

А.В. Дмитриев*

**КОМБАТАНТЫ В РЯДАХ СИБИРСКОГО КОРПУСА:
ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ НА ФОНЕ ПЕРЕЖИТОГО
ОПЫТА ВОЙНЫ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII ВЕКА)**doi:10.31518/2618-9100-2024-6-8
УДК 94(47).066+316.6

Выходные данные для цитирования:
Дмитриев А.В. Комбатанты в рядах Сибирского корпуса: девиантное поведение на фоне пережитого опыта войны (вторая половина XVIII века) // Исторический курьер. 2024. № 6 (38). С. 107–118. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-6-02.pdf>

A.V. Dmitriev*

**COMBATANTS IN THE RANKS
OF THE SIBERIAN CORPS: DEVIANT BEHAVIOR
AGAINST THE BACKGROUND OF THE
WAR EXPERIENCE (THE 2ND HALF OF THE 18TH CENTURY)**

doi:10.31518/2618-9100-2024-6-8

How to cite:
Dmitriev A.V. Combatants in the Ranks of the Siberian Corps: Deviant Behavior Against the Background of the War Experience (The 2nd Half of the 18th Century) // Historical Courier, 2024, No. 6 (38), pp. 107–118.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-6-02.pdf>]

Abstract. The paper is devoted to the analysis of deviant behavior of military personnel in the Siberian corps units, who had previous experience of participation in military conflicts during the middle and 2nd half of the 18th century. The source base of the study was the data contained in the formulary lists of officers in the field and garrison units of the corps for the period of 1770s – 1780s. According to the lists, a little more than 40 men, who had combat experience and committed certain offenses while already serving in Siberia, were identified. Almost all of these officers served in garrison units, which was due either to their advanced age or to injuries and damage to health sustained during the war. Also, the vast majority of these officers belonged to unprivileged groups by social origin. It was found out that these officers were guilty of either official and disciplinary misconduct, or crimes of a material and financial nature, only one of the identified cases was related to murder. We can conclude that the experience of war did not have too serious negative impact on these people, and certain examples of the deviant behavior, which they had demonstrated, depended rather on their personal characteristics. For some of them, the offenses committed did not even prevent further successful career. We have a reason to assume that in the 2nd half of the 18th century combatants were able to adapt to after-war life and continue to serve in peaceful conditions, even in such a remote region of the Russian Empire as Siberia.

Keywords: combatants, deviant behavior, officers of the Russian army, Siberian corps, the 2nd half of the 18th century.

The article has been received by the editor on 08.09.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена анализу девиантного поведения военнослужащих частей Сибирского корпуса, имевших опыт участия в военных конфликтах середины – второй половины XVIII в. Источниковой базой исследования послужили данные, содержащиеся в формулярных списках офицеров полевых и гарнизонных частей корпуса за период 1770–1780-х гг. По спискам было выявлено чуть более 40 чел.,

* **Андрей Владимирович Дмитриев**, доктор исторических наук, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия, e-mail: khaldeus@academ.org
Andrey Vladimirovich Dmitriev, Doctor of Historical Sciences, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, e-mail: khaldeus@academ.org

обладавших боевым опытом и совершавших те или иные правонарушения, уже находясь на службе в Сибири. Почти все эти офицеры несли службу в гарнизонных частях, что было связано или с их преклонным возрастом, или с травмами и ущербом здоровью, полученными во время войны. Также подавляющее большинство этих офицеров принадлежало по происхождению к непривилегированным социальным слоям. Установлено, что эти офицеры оказывались виновными либо в должностных и дисциплинарных проступках, либо в преступлениях материально-финансового характера, только один из выявленных случаев был связан с убийством. Из этого можно заключить, что пережитый опыт войны не оказывал на сознание этих людей слишком серьезного негативного воздействия, а те или иные варианты демонстрируемого ими девиантного поведения зависели скорее от их личностных характеристик. У некоторых из них совершенные проступки даже не препятствовали дальнейшей успешной карьере. Таким образом, есть основания предполагать, что во второй половине XVIII в. комбатанты были в состоянии адаптироваться к продолжению службы в мирных условиях даже в таком отдаленном регионе Российской империи, как Сибирь.

Ключевые слова: комбатанты, девиантное поведение, офицеры русской армии, Сибирский корпус, вторая половина XVIII в.

Статья поступила в редакцию 08.09.2024 г.

Проблема «человек на войне» является вечной для всех исторических периодов, приобретающая совершенно особую актуальность в условиях текущего момента. Воздействие военных конфликтов на человеческое сознание и изучение их последствий имеют столь давнюю традицию научной разработки, что даже нет смысла приводить какие-либо примеры исследований. А вот вопросы о том, как ведут себя люди, непосредственно участвовавшие в боевых действиях с оружием в руках (т.е. комбатанты), в условиях мирной жизни, для разных хронологических отрезков российской истории изучены весьма неравномерно. Если на материалах XX столетия эта проблематика давно и успешно исследуется отечественными специалистами (достаточно назвать целый ряд работ Е.С. Сеньявской и ее коллег¹), то в отношении более ранних периодов приходится констатировать исследовательские лакуны. В первую очередь это связано с недостатком источников. По XIX в. имеется достаточно значительный набор нарративных источников, запечатлевших особенности поведения, установки сознания и жизненные стимулы комбатантов в обыденной обстановке². А вот для XVIII в. такие источники практически отсутствуют, в связи с этим на первый план выходят сохранившиеся архивные материалы.

Попытаемся дать хотя бы набросок интересующего нас сюжета на основе доступных данных о поведении тех военнослужащих в частях Сибирского корпуса, которые находились на «восточной окраине» Российской империи во второй половине XVIII в. уже после того, как им довелось принимать участие в войнах против Швеции, Пруссии, Османской империи. В свое время нам уже приходилось обращать внимание на то обстоятельство, что даже в гарнизонных войсках на территории Сибири в период правления Екатерины II насчитывалась определенная доля офицеров, имевших реальный боевой опыт³; также нами были исследованы различные модели девиантного поведения военнослужащих, выразившиеся в

¹ Сеньявская Е.С., Сеньявский А.С., Жукова Л.А. Человек и фронтовая повседневность в войнах России XX в.: очерки по военной антропологии. М., 2017; Сеньявская Е.С. Фронтовая повседневность в войнах России XX в. как объект изучения: историографический итог трех десятилетий (1991–2021) // Исторические записки. 2021. № 20 (138). С. 243–257.

² См., напр.: 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995; Воспоминания современников эпохи 1812 года на страницах журнала «Русская старина». М., 2011; и др.

³ Дмитриев А.В. Боевой опыт офицеров гарнизонных батальонов Сибири в начале 1770-х гг.: опыт анализа данных послужных списков // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Новосибирск, 2013. С. 100–107.

конкретных преступлениях и правонарушениях⁴. Теперь же мы считаем возможным объединить эти аспекты для того, чтобы показать, какие именно варианты девиаций были характерны для комбатантов, продолжавших военную службу в рядах армейских частей, дислоцированных в Сибири во второй половине XVIII столетия. Постараемся ответить на вопрос, до какой степени пережитый этими людьми опыт войны мог влиять на их поведение, в тех или иных случаях отклонявшееся от дисциплинарных норм и действующих законов.

Источниковой базой для решения поставленной задачи служат имеющиеся в нашем распоряжении формулярные (послужные) списки офицеров полевых и гарнизонных войск Сибирского корпуса за 1770–1780-е гг. Не будем касаться здесь их источниковедческой характеристики, поскольку она уже дана К.В. Татарниковым⁵, обратим внимание лишь на одно обстоятельство. Безусловно, более правильным выглядело бы обращение к материалам судебно-следственных дел военнослужащих, поскольку именно в этих делах можно найти максимум подробностей о девиантном поведении конкретных лиц. Но степень сохранности этих дел такова, что они охватывают лишь малую долю из всего массива статистики правонарушений и преступлений за более чем полувековой период начиная с 1730-х гг.⁶ Сохранилось всего около 350 судебно-следственных дел, подававшихся из канцелярий полков и батальонов Сибирского корпуса в Военную коллегию, тогда как общая цифра офицеров и рядовых, попавших под следствие и представших перед военными судами, исчислялась за это время тысячами человек. Кроме того, в эту цифру не входят лица, совершавшие дисциплинарные проступки, за которые наказания выносились во внесудебном порядке. А в формулярных списках, напротив, содержатся пусть и краткие, но все же достаточные для нашей цели сведения обо всех разновидностях поступков, подпадающих под определение «девиантных», которые позволяют нарисовать относительно полную картину интересующего нас феномена.

По спискам 1770–1780-х гг. нами выявлено всего 43 человека в штаб-офицерских (шестеро) и обер-офицерских (37) чинах, которые ранее были участниками военных конфликтов на европейском или южном (османском) направлениях, а теперь, находясь на службе в полевых (трое) и гарнизонных (40) частях Сибирского корпуса, «отметились» в глазах начальства с плохой стороны. Из них чуть более половины (23 человека) совершали должностные или дисциплинарные проступки, а еще 18 человек оказались виновными в преступлениях, связанных с финансовыми или имущественными хищениями. Постараемся показать наиболее типичные варианты этих проступков и преступлений, чтобы тем самым определить, к каким именно девиациям оказывались склонными люди, попадавшие на сибирскую службу после перенесенных тягот войны, и оказывал ли пережитый опыт влияние на их дальнейшую жизнь и стереотипы поведения. При этом, разумеется, необходимо учитывать и социальное происхождение этих лиц, т.е. из какой социальной среды они вышли, уже являясь носителями определенных установок и ценностей. Здесь можно сразу отметить, что дворян среди них насчитывалось всего девять человек, значительное большинство составляли выходцы из непривилегированных социальных групп – сыновья солдат, церковнослужителей, купцов, казаков и крестьян. Кроме того, четверо офицеров имели нерусское этническое происхождение.

Можно было бы предполагать, что столь малая доля дворян среди «нарушителей» объясняется присущими им воспитанием и самодисциплиной, однако почти все они принадлежали к мелкопоместным или даже беспоместным, фактически мало чем отличаясь по своему образу жизни от непривилегированных слоев. Единственным исключением здесь

⁴ Дмитриев А.В. Уровень дисциплины и нарушения закона в русской армии середины XVIII в.: социально-политическая адаптация военнослужащих в условиях Сибири // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы. Новосибирск, 2010. С. 54–62.

⁵ Татарников К.В. Предисловие // Послужные и смотровые списки русской армии 1730–1796 гг. в собрании РГВИА. Межфондовый указатель. М., 2013. Т. 1. С. 3–42.

⁶ Обзор этих дел см.: Письмак Д.А. Комплекс судебно-следственных дел о преступлениях военнослужащих Сибирского корпуса (по материалам Российского государственного военно-исторического архива) // Наука. Технологии. Инновации. Новосибирск, 2022. Ч. 8. С. 37–40.

Рис. 1. Обер-офицер пехотного полка русской армии второй половины XVIII в.
 Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск.
 Спб.: Тип. В. С. Балашова, 1899. Ч. 4. С. 139

выглядит капитан 3-го мушкетерского полевого батальона Николай Неронов, который к 33 годам своей жизни (по данным формулярного списка за 1787 г.) успел совершить целый ряд правонарушений, происходя из очень богатой семьи. Его отец владел 2 тыс. душ крепостных, а сам Николай сразу после переворота 1762 г. поступил пажом ко двору императрицы Екатерины II. Достигнув совершеннолетия, он был выпущен в армию сразу с чином капитана в 1771 г., успел принять участие в нескольких сражениях Русско-турецкой войны 1768–1774 гг., потом в 1779–1780 гг. участвовал в подавлении волнений в Крыму. В дальнейшем Неронов оказался на службе в Сибири, вероятно, по причине того, что в 1782 г., получив трехмесячный отпуск, попытался вообще уйти со службы, однако через год оказался под судом «за праздное проживание» и был отправлен в Сибирский корпус. Здесь он в 1786 г. снова угодил под следствие за сожжение документов и подделку порученного ему следственного дела, когда «из представленного от невоинскому суду дела оказались великие несходства, пропуски и недополнения и перемены у подсудимых в ответах». А в 1787 г., находясь с кавалерийским эскадром в Покровской крепости, он продавал казенный овес ямщику и крестьянину, а строевых лошадей кормил из собственных запасов, после чего, «дабы он Неронов впредь в подобных сему случаях с казной не смешивался, по ордеру корпусного командира арестован был на неделю с употреблением в пищу хлеба и воды»⁷.

Почти ровесником Неронова был «сверхкомплектный» подпоручик Томского гарнизонного пехотного батальона в 1783 г. Андрей Елчин, также успевший в ранней юности принять участие в завершающих сражениях русско-турецкой войны сначала сержантом, затем подпоручиком в 1-м фузилерном артиллерийском полку, но происходивший из мелкопоместных – он числился вместе с троими своими братьями владельцем 35 душ крестьян под г. Зарайском. Еще в конце 1770-х гг., состоя при артиллерийской команде в Ямышевской крепости, он «оказывался против звания своего в подлостях, шумстве, картежной игре и неопрятности, недостатком в мундире и прочей одежде и забирании разного звания у людей обманом в дом денег и товаров». Напиваясь пьяным, он избивал сослуживцев, подчиненных и даже больную старуху, вдову канонира, за что его неоднократно отправляли под арест на гауптвахту. Попытка привлечь его к ведению финансовой отчетности также провалилась, резолюция крепостного коменданта гласила: «По тому его слабому состоянию к определению к приходам и расходам казенного интереса подлинно безнадежен, разве за хорошим смотрением, ибо он довольно усмотрен в весе, мере и в счете слабо разумеет и прокладывать на счетах и на цифры вовсе не умеет»⁸.

Впрочем, таких молодых людей в нашей выборке немного, подавляющее большинство составляют заслуженные ветераны, начинавшие свою армейскую карьеру еще в правление Елизаветы, а кто-то даже при Анне Иоанновне. Капитан Алексей Евдокимов, обладатель 15 «ревизских душ», в годы Семилетней войны получил тяжелые травмы, когда под Цорндорфом «был ранен в правую ногу и голова разрублена», после чего его перевели из действующей армии на сибирскую службу. Однако здесь он вел себя совершенно неподобающим образом. В 1765 г. его посадили под караул за издержание в бытность казначеем Томского

составляют заслуженные ветераны, начинавшие свою армейскую карьеру еще в правление Елизаветы, а кто-то даже при Анне Иоанновне. Капитан Алексей Евдокимов, обладатель 15 «ревизских душ», в годы Семилетней войны получил тяжелые травмы, когда под Цорндорфом «был ранен в правую ногу и голова разрублена», после чего его перевели из действующей армии на сибирскую службу. Однако здесь он вел себя совершенно неподобающим образом. В 1765 г. его посадили под караул за издержание в бытность казначеем Томского

⁷ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 489. Оп. 1. Д. 1987. Л. 323 об., 324.

⁸ Там же. Ф. 490. Оп. 5. Д. 508. Л. 790 об. – 792.

полевого пехотного полка 108 руб. казенных денег. В 1768 г. он обзывал коменданта Усть-Каменогорской крепости фон Паскау «поносительными словами» и оставил без внимания, что жившие у него в доме солдат и профос ходили воровать, запретив даже своей жене сообщать об этом начальству. А в 1781 г., находясь с командой в Тобольске, «был командирован для хождения главным рундом (обход для проверки караулов. – А. Д.), и он того не исполнил, на другой день при вечерней зоре (при сигнале отбоя. – А. Д.) усмотрен обер-комендантом фон Беклером пьяным нечувствительно, за что арестован и содержан был на гауптвахте»⁹. Видимо, Евдокимов получил на войне такой физический и психический ущерб здоровью, что периодически «срывался», отказываясь соблюдать дисциплинарные нормы, хотя отделялся за свои проступки гауптвахтами и «репримандами» (выговорами).

Вообще следует заметить, что среди прегрешений комбатантов в частях Сибирского корпуса формулировка «шумство и пьянство» встречается довольно часто. Эмоциональная неуравновешенность в сочетании с тяжелыми условиями жизни и службы в Сибири, вероятно, подталкивала довольно многих к разного рода дисциплинарным проступкам, и никакими штрафами и гауптвахтами не удавалось заставить офицеров вести себя надлежащим образом. Например, в составе 1-го Селенгинского гарнизонного пехотного батальона, дислоцированного в Забайкалье, мы обнаруживаем сразу нескольких лиц, в отношении которых в документах перечисляется длинный список их деяний. Поручик Алексей Алексеев, сын московского церковного причетника, участвовавший в Русско-шведской войне 1741–1743 гг., а затем, попавший в Сибирь, в 1765 г. сажал под арест по ложному обвинению своего сослуживца прапорщика Захарьина, сам будучи «в шумстве без мундира и шпаги»; в начале 1770-х гг. «за шумство и несправедливый на коменданта (Акшинской пограничной крепости. – А. Д.) Силкина донос и другие не порядочные поступки написан был из капитанов в поручики»; потом состоял под следствием «в брани коменданта секунд-майора Силкина, в кричании им на того же коменданта слова и дела государева (это после уничтожения Тайной канцелярии Петром III еще в 1762 г.! – А. Д.) и в других не порядочных поступках»; наконец, в 1779 г. и вовсе был разжалован «за пьянство и беспокойства написан был из поручиков в солдаты»¹⁰. Заметим, что к этому моменту Алексею уже исполнилось более 60 лет, но даже преклонный возраст не удерживал его от подобных поступков.

Сослуживец Алексева по батальону капитан Иван Алешин (из солдатских детей), также участник Русско-шведской войны начала 1740-х гг., занимая должность плац-майора в Селенгинске в первой половине 1770-х гг., несколько раз подвергался арестам «за шумство и пьянство и за не порядочные его чести поступки». В 1775 г. он получил от селенгинского коменданта распоряжение «о исследовании найденной надзирателем больных Паламошновым руки солдата Семенова суеверной книжки, и получа тот указ и книжку, напился пьян и зашел в казенный питейный дом», где показывал эту книжку «всякого звания людям». И в дальнейшем Алешин неоднократно оказывался пьяным при исполнении различных служебных поручений, что приводило к плачевным результатам, как в 1777 г., когда ему «велено было купленный дом купца Малкова освидетельствовать, можно ли в нем жить обер-офицеру, по которому и рапортовал исправным, а по свидетельству тот дом оказался во многом к поправлению надобным»¹¹. Ему удавалось избегать разжалования, отделяясь выговорами, внеочередными нарядами в караул, максимум арестами на несколько дней, но свою карьеру он фактически погубил собственными руками: став капитаном еще в 1767 г., он после этого за почти два десятка лет так и не получил повышения до штаб-офицерского ранга.

Впрочем, не всегда подобное поведение офицера означало конец его продвижению в чинах. Поручик Томского гарнизонного пехотного батальона Иван Завьялов (сын священника), в молодости сражавшийся со шведами под Вильманстрандом в Финляндии, а перед этим еще и с турками, в 1769 г. «за самовольные в разные деревни Томского уезда для

⁹ РГВИА. Ф. 490. Оп. 5. Д. 324. Л. 472 об., 473; Д. 508. Л. 787 об., 788.

¹⁰ Там же. Д. 325. Л. 220 об. – 222; Д. 510. Л. 246 об., 247.

¹¹ Там же. Д. 325. Л. 213 об., 214; Д. 510. Л. 234 об. – 236.

Рис. 2. Обер-офицер гарнизонного батальона русской армии второй половины XVIII в. Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Спб.: Тип. В. С. Балашова, 1900. Ч. 6. С. 125

пьянства отлучки и за оболгание, якобы его отпустил комендант, и за многие невоздержные пьянства» был признан негодным к дальнейшему повышению¹², однако через полтора десятка лет, в 1784 г., мы обнаруживаем его с чином капитана в должности заседателя нижнего земского суда Кольванского уезда¹³.

Некоторых пьянство подталкивало к ложным доносам на сослуживцев, как это произошло в случае с крестьянским сыном Софроном Кикиным, капитаном 2-го Селенгинского гарнизонного пехотного батальона. Он воевал в годы правления Анны Иоанновны под началом фельдмаршала Б.-Х. Миниха, штурмовал Данциг (Гданьск) во время войны за «польское наследство» в 1734 г., а в Русско-турецкую войну 1735–1739 гг. брал Перекоп и Очаков в 1736–1737 гг. В 1768 г., уже находясь в Забайкалье, он обвинял прапорщика Плескова якобы в растлении своей малолетней дочери, но в ходе расследования выяснилось, что «оныи доношение и в допросе показание чинил он от одного пьянства», за что получил выговор от начальства: «За неправильное при суде показание и чинимое пьянство в рассуждении немолодых его лет и беспорочной службы при собрании штаб- и обер-офицеров учинен реприманд»¹⁴.

А вот «сверхкомплектному» прапорщику того же Томского батальона Федору Дуркину не удалось отделаться так легко. Сын сибирского казака, он был зачислен в те полевые полки, которые в 1750-х гг. были выведены из Сибири в Европейскую Россию, участвовал в большинстве главных сражений Семилетней войны (при Гросс-Егерсдорфе в 1757 г., при Пальциге и Кунерсдорфе в 1759 г., «где и ранен в левую руку ружейной картечью», в 1761 г. под Бреславлем), но в 1770 г. «написан был из сержантов в Сибирский гарнизон в солдаты без штрафа по делу Смоленского пехотного полка подпоручика Лупандина, будучи в команде его, за нерапортование на него, когда из собственных людей его, Лупандина, учинена кража в Курляндии у обывателя пожитков». В Сибири он сразу же «отличился» попыткой утаить у себя деньги, якобы «подаренные» ему колодниками, которых он конвоировал на каторгу до Нерчинских заводов, а через десяток лет, в 1782 г., «по призыву его к батальонному командиру по просьбе от прапорщика Вялова оказался весьма пьян и пришел в шубе и без шпаги, а против просьбы того Вялова нашелся виновным по выходе из питейного дома в бесчувственном пьянстве в ругательстве оногo Вялова матерной бранью и называние дочерей его бл...ми». За это ему сделали крепкий выговор, а кроме того, принимая во внимание, что он был переведен в Томск из Иркутска, дабы служить со своими родственниками, поэтому, как «сверхкомплектный», не получал денежного жалования, его квалифицировали неспособным продолжать службу: «За прежними пороками и вселившимся в него пьянством не только к повышению чина, но и в службе быть не годен, и верить ему ни в чем невозможно»¹⁵. Таким образом, даже возвращение в привычную жизненную среду не способствовало этому офицеру нормальному несению дальнейшей службы.

Желание «корытоваться» чужими деньгами или имуществом также, судя по всему, имело достаточное распространение среди ветеранов боевых кампаний на сибирской службе. Поручик Томского батальона, солдатский сын Прокофий Остафьев прошел всю Семи-

¹² РГВИА. Ф. 490. Оп. 5. Д. 324. Л. 490 об., 491.

¹³ Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1784. СПб., 1784. С. 475.

¹⁴ РГВИА. Ф. 490. Оп. 5. Д. 325. Л. 211 об. – 213.

¹⁵ Там же. Д. 508. Л. 796 об., 797.

летнюю войну, а в 1778 г., будучи казначеем, оказался под следствием «за раздачу им из казначейской суммы обер-офицерам в число жалования денежной казны и за употребление из той же суммы на свои надобности немалого числа денег», так что городской комендант полковник Т. де Вильнев распорядился о взыскании с него соответствующих сумм¹⁶.

Поручик 2-го Селенгинского батальона Федор Павлов в сражениях с пруссаками получил несколько тяжелых ранений: «Будучи в 3-м кирасирском полку, в 1757 и 1758 годах на баталии и в самое сражение с неприятелем, где и ранен шпагой в голову, отчего две тяжкие раны, и при том и нос перерублен, левая нога мушкетной пулей прострелена». Незадолго до конца Семилетней войны ему даже довелось оказаться в прусском плену. В Забайкалье его, вероятно, из уважения к боевым заслугам, сделали начальником цейхгауза (вещевого склада) в одной из пограничных крепостей, но в 1772 г. выяснилось, что ему не стоило доверять распоряжение материальными активами. В списке батальона было отмечено: «Ныне состоит под следствием в неявившихся у него из приема казенных денгах и в прочих не порядках... за состоянием его под следствием достойным к повышению чина показать невозможно»¹⁷.

Не редкостью были случаи, когда гарнизонные офицеры, конвоируя арестантов или ссыльных, вымогали деньги у них или у крестьян с ямщиками. Поручик 3-го Тобольского пехотного батальона Иван Соколов (солдатский сын) имел за плечами не только Семилетнюю войну, но и схватки с отрядами Е.И. Пугачева в 1774 г.: «Против вора и злодея Пугачева и его полков в сражении теми злодеями ранен левой ноги в икру копьем и голова саблей разрублена, где и захвачен в плен, откуда отвезен ими в Челябинскую крепость, где и был в плену там 6 недель». В 1783 г., конвоируя колодников из Тобольска в Иркутскую губернию, Соколов грабил буквально всех встречавшихся ему людей, в ходе следствия был обвинен «в битье в деревне Каменской крестьянина Калинина да ямщика Дерягина, за взятки с колодника Вулихина 4 руб., из общего ящика из подаваемых в милостыню 3 руб., в Кусе-рятской подставе с ямщика 50 коп., в отборе насильно у колодников Коновалова юбки французской тафты, у женки Немцовой юбки же черной гризетовой, следуя дорогой с обывателей поросят и петухов». За все это он был на год разжалован в рядовые¹⁸.

Поручик Иркутского гарнизонного пехотного батальона Матвей Сонцов еще юношей сражался против турок под командой Миниха в походе к Днестру в 1738 г., под Хотинном и на Ставучанской баталии в 1739 г., достигнув 50-летнего возраста, в 1770 г. по распоряжениям иркутского губернатора генерал-поручика А. Бриля был арестован и содержался под караулом по двум делам: «За отлучку без дозволения из Иркутска в Смоленскую деревню к крестьянину в дом и за самовольное усильное взятие у предписанного крестьянина якобы за имеющийся на нем долг приведенной ему коровы с 2-годовалой телкой; за вступление с секретной содержавшейся на гауптвахте арестанткой в партикулярное обхождение и за взятие у нее денег 20 коп.»¹⁹. Последний эпизод наводит на мысль, что некоторые из комбатантов весьма вольно относились к женскому полу, несмотря на то, что семейная сфера в России XVIII в. продолжала регулироваться церковными канонами, предусматривавшими суровые наказания за прелюбодеяние.

В этой связи интерес представляет случай солдатского сына Василия Вяткина, дослужившегося до ранга секунд-майора и в 1786 г. состоявшего в штабе Семипалатинского полевого пехотного батальона. Он был участником двух больших военных кампаний: с 1758 по 1762 г. воевал в Пруссии, а в 1769–1771 гг. с турками, причем в одном из сражений за Дунаем «получил в левую ногу контузию» и был тогда же произведен из поручиков в капитаны «за храбрые и отличные поступки». В 1785 г., когда ему исполнилось 50 лет, жена Вяткина подала жалобу в Санкт-Петербургскую духовную консисторию «за безвинное

¹⁶ РГВИА. Ф. 490. Оп. 5. 508. Л. 788 об., 789.

¹⁷ Там же. Д. 325. Л. 219 об., 220.

¹⁸ Там же. Д. 508. Л. 832 об., 833.

¹⁹ Там же. Д. 325. Л. 217 об., 218.

ее отринование от сожития с ним и за содержание при себе для прелюбодеяния молдаванской девки Катерины Христофоровой» (при этом у супругов уже была взрослая дочь Авдотья). В результате митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Гавриил вынес решение о наложении на майора епитимьи (церковного наказания) «с тем при том, ежели он объявленную девку в то место, откуда взял, не возвратит и законной жены к себе не возьмет, то епитимья не уменьшится». Исполнил это решение епископ Тобольский Варлаам, оно было объявлено Вяткину при Иоанно-Богословской церкви в Ямышевской крепости 25 августа 1785 г. О том, как складывалась его дальнейшая семейная жизнь, можно лишь догадываться, но вероятно, что Вяткин в конце концов помирился с женой, а на его дальнейшей карьере эта история не отразилась. Во всяком случае, в царствование императора Павла I на рубеже XVIII–XIX вв. он уже стал полковником и командиром Ширванского полевого мушкетерского полка²⁰.

Ряд должностных проступков комбатантов был связан с ненадлежащим исполнением ими своих служебных обязанностей. Так, поручик Томского батальона Иван Панаргин, солдатский сын, участник почти всех сражений Семилетней войны, в 1771 г. конвоировал партию колодников на каторгу в Нерчинск и в пути, вопреки инструкции Сибирской губернской канцелярии, снял с них кандалы. В результате пятерым из этих колодников удалось сбежать. Военный суд в Иркутске приговорил поручика к смертной казни, однако Военная коллегия заменила ему смертный приговор разжалованием в солдаты, также оказавшимся недолгим, поскольку вскоре сибирский губернатор Д.И. Чичерин распорядился «по случаю тезоименитства ея императорского величества» вернуть ему офицерский чин²¹. Правда, этот эпизод, вероятно, закрыл Панаргину дорогу к дальнейшему продвижению в чинах, к 1783 г. он лишь перешел из «сверхкомплектных» в действительные офицеры. А воевавший с турками и шведами поручик 1-го Тобольского батальона Филипп Иванов (в 1737 г. был при взятии Очакова, где ранен из ружья дробью, в 1739 г. в битве при Ставучанах, в 1742 г. был при взятии Фридрихсгама и Гельсингфорса и с флотом на Аландских о-вах в команде фельдмаршала П. Фон Ласси) сначала оказался замешан в подделке документов, когда заменял в приходно-расходной книге листы с данными о запасах пороха и денег, считая нужным поправить ошибки писаря; впоследствии же отпустил из тюрьмы, стоя на карауле, «содержавшихся по важным делам девку Ковалеву и колодника Маслова», за что также получил от суда смертный приговор, однако был «в рассуждении долговременной его службы, а особливо для многолетнего ея императорского величества здравия от того освобожден», отделавшись только вычетом из жалования за два месяца²². Можно предполагать, что такие случаи свидетельствуют о проявлениях гарнизонными офицерами сочувствия к людям, попавшим в беду, даже если такое сочувствие было связано с нарушением законов и оборачивалось для них самих неприятными последствиями.

Пожалуй, наиболее заслуженным ветераном в составе анализируемой группы можно считать поручика 2-го Тобольского батальона Петра Нашильникова. Он родился в 1708 г.,

Рис. 3. Ober- и штаб-офицеры гарнизонного батальона русской армии второй половины XVIII в. Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. СПб.: Тип. В.С. Балашова, 1900. Ч. 6. С. 120

²⁰ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1985. Л. 13 об., 14. См. о нем также: Мирошкин Е.В. Социокультурный портрет офицеров полевых полков Сибирской инспекции в годы правления Павла I (1796–1801 гг.) // Россия и Сибирь в изменяющемся мире: история и современность. Иркутск, 2024. С. 83.

²¹ РГВИА. Ф. 490. Оп. 5. Д. 324. Л. 505 об., 506.

²² Там же. Л. 492 об. – 494.

вступил в армию в год смерти Петра Великого (1725), успел побывать в Иране перед выводом оттуда российских войск в начале 1730-х гг. («был в Персии в неоднократных сражениях»), затем в 1736 г. был при взятии Азова, где получил ранение в левую ногу, к концу русско-турецкой войны в 1739 г. сделался уже подпоручиком. Правда, производства в свой нынешний чин он добился только спустя почти четверть века, находясь же на службе в Сибири, постоянно попадал в разные истории за небрежное отношение к дисциплинарным нормам и служебным обязанностям. Еще в 1748 г. «за пьянство и ослушание полкового приказа» он был разжалован на год в солдаты, в 1756 г. самовольно послал двоих солдат искать «беглую женку», за что его на месяц ставили без очереди в караулы. В 1763 г. он исполнял обязанности провиантмейстера и не обратил внимания на ошибки в записях о приеме казенного овса от солдат-сборщиков, за что его на месяц понизили в чине. В 1766–1767 гг. Нашильников уклонялся от исполнения приказов начальства, не являясь в назначенный срок по вызову или сказываясь больным²³. Сказывался, конечно, и его преклонный возраст, но и сам он, судя по всему, был по натуре человеком не очень-то ответственным и несколько легкомысленным.

Наконец, обратим внимание на поведение нескольких комбатантов нерусского происхождения, которые встретились в изученных нами делах. Эпизоды, участниками которых оказывались эти лица, в основном касались опять-таки нарушений дисциплины или материально-финансовых махинаций. Курляндец Христофор Ливен был в рядах русской армии в Пруссии и Померании на завершающем этапе Семилетней войны в 1761–1762 гг.; в 1770 г., став подпоручиком, занимал вакансию прапорщика в 3-м Тобольском батальоне и не усмотрел за своим подчиненным, который, находясь вместе с ним в карауле у тюремного острога, снял оковы с неких «самоважных злодеев» и отобрал у них деньги. За это сибирским губернатором Чичериным и тобольским обер-комендантом А. фон Гиленсбергом ему был сделан выговор. Впрочем, вряд ли этот «остзеец» мог хорошо разбираться в предписанных ему служебных нормах, поскольку в его формулярном списке стояла помета: «Чин, имя и прозвание свое с нуждой подписывает, а читать по-русски не умеет»²⁴. Боевой опыт у Ливена был также весьма незначительный.

Гораздо более интересными представляются фигуры двоих уроженцев Пруссии, еще в годы царствования Анны Иоанновны поступивших на службу в российскую армию и, в конце концов, оказавшихся в Сибири. Дворянин Иоганн (Иван) Реберг приехал в Россию в 1738 г., когда ему исполнился 21 год, и сразу же вступил в армейские ряды, благодаря чему успел принять участие в завершающих сражениях Русско-турецкой войны 1735–1739 гг., затем участвовал в войне со Швецией 1741–1743 гг. Вскоре после этого он был переведен на «восточную окраину» империи в составе одного из драгунских кавалерийских полков, передислоцированных сюда в 1744–1745 гг. К 1772 г. он уже получил штаб-офицерский чин секунд-майора и состоял «сверх комплекта на капитанской вакансии» при 1-м Тобольском батальоне. Несмотря на свое немецкое происхождение, вроде бы обязывавшее к точному соблюдению всех законов и дисциплинарных норм, он имел в своем послужном списке несколько инцидентов, за которыми следовали различные санкции. Так, в 1750 г. он «неосмотрительно» поставил свою подпись под документом, удостоверявшим купленных для нужд его Луцкого полевого драгунского полка лошадей как годных, на деле же эти лошади оказались негодными, за что Реберг поплатился своим месячным жалованием в тогдашнем чине прапорщика. В начале 1760-х гг. он, уже будучи поручиком, состоял под судом по жалобам обывателей Краснослободского уезда за взятки, а также «за причинение с девкой Ульяной блуда», однако отделался выговором, а в следующем году даже получил производство в капитаны. Наконец, в 1765 г. у него снова было вычтено месячное жалование «за неосторожность и неисполнение данного ему в смотре казенных дощаников повеления». Тем не менее данные эпизоды не повлияли на его продвижение в чинах, в 1769 г. ему

²³ РГВИА. Ф. 490. Оп. 5. Д. 324. Л. 487 об. – 489.

²⁴ Там же. Л. 509 об., 510.

был присвоен секунд-майорский ранг²⁵. Впрочем, сколько-нибудь серьезным может считаться только одно из перечисленных дел, и то не приведшее к тяжелому наказанию.

Аналогичным выглядит служебный путь в рядах российской армии другого пруссака, Иоганна Антона (Ивана Антоновича) фон Линемана, бывшего не только дворянином, но и сыном генерала прусской службы. Благодаря этому он 19-летним юношей в 1736 г. зачислился в армейские ряды сразу с чином сержанта, также участвовал в войнах с Османской империей и Швецией, а с середины 1740-х гг. прибыл в Сибирь, где и остался до конца своих дней. В 1751 г., квартируя в дер. Комарицкой, он зачем-то устроил стрельбу в своем жилье, результатом чего явился пожар – за это он на две недели был посажен под арест и лишен жалования на полгода. А в 1763 г. его привлекли к ответственности по тому же судебному делу, что и Реберга, в Краснослободском уезде за махинации с поставками сена, в результате он был оштрафован на сумму в 25 руб. 40 коп. Однако и на его карьере эти прегрешения не оказали никакого влияния, уже во второй половине 1760-х гг. он в чине полковника командовал Якутским полевым карабинерным полком, а последние 20 лет жизни, с 1769 по 1789 г., в звании бригадира занимал в Иркутске должность обер-коменданта²⁶. Вероятно, репутация фон Линемана была достаточно высокой, если он достиг таких карьерных вершин, по крайней мере уже в 1770-х гг. ему никто не припоминал этих проступков, из его послужного списка они просто исчезли.

Крайне экзотически выглядит на этом фоне в 1786 г. фигура капитана Семипалатинского полевого пехотного батальона Йозефа (Осипа) Гейса. Сын саксонского дворянина, родившийся уже в России, он в конце 1770-х – начале 1780-х гг. служил на Северном Кавказе, участвовал в ряде сражений с кабардинцами и другими кавказскими горцами, а к середине 1780-х гг. был переведен на сибирскую службу. С 1785 г. он содержался при своем батальоне под арестом по обвинению, ни много ни мало, в заказном убийстве! Военным судом рассматривалось дело с обвинением «в смертном убийстве Семипалатинского полевого батальона солдатом Пестовским по просьбе его, Гейса, отставного драгуна Хлуева жены Варвары Матвеевой дочери», а в его послужном списке стояла резолюция корпусного генералитета, гласившая: «По такому учиненному им гнусному поступку ни в какой воинской службе быть не достоин»²⁷. О мотивах, которыми руководствовался Гейс (тогда еще достаточно молодой человек, ему было лишь 33 года), можно только гадать. Однако это единственный известный нам случай, когда находившийся на военной службе в Сибири за эти годы комбатант обвинялся в тяжком преступлении – в убийстве.

Подведем некоторые итоги. По изученным нами материалам можно заключить, что пережитый на войне опыт лишь в отдельных случаях мог оказывать такое влияние на офицеров, затем служивших в частях Сибирского корпуса, которое приводило бы к серьезным девиациям в их поведении. Скорее складывается впечатление, что те или иные девиантные вариации зависели в большей степени от склада характера и темперамента, личностных особенностей этих людей, а не от перенесенных ими ранее боевых тягот. Во всяком случае, многократно известных по примерам XX столетия и вплоть до современности эффектов, вроде полного пренебрежения человеческой жизнью, свойственных сознанию комбатантов, во второй половине XVIII в. мы не наблюдаем. Сущность же войны как феномена массового убийства во все времена остается одинаковой. Есть соблазн предположить, что появление подобных эффектов в новейшие периоды может быть связано с колоссальным технологическим совершенствованием орудий убийства, за которым перестала «успевать» психика человека.

²⁵ РГВИА. Ф. 490. Оп. 5. Д. 324. Л. 459 об., 460.

²⁶ Там же. Оп. 3. Д. 83. Л. 334 об., 335. См. о нем также: Генералы и штаб-офицеры русской регулярной армии 1729–1796 гг. Сведения о службе из списков по старшинству. М., 2019. Т. 1. С. 1170.

²⁷ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1985. Л. 29 об., 30.

Литература

1812 год в воспоминаниях современников / отв. ред. А.Г. Тартаковский. М.: Наука, 1995. 202 с.

Воспоминания современников эпохи 1812 года на страницах журнала «Русская старина» / сост., ред., предисл. В.М. Безотосного. М.: Изд-во ГПИБ России, 2011. 461 с.

Генералы и штаб-офицеры русской регулярной армии 1729–1796 гг. Сведения о службе из списков по старшинству. Справочник в 2 т. / сост., вступ. ст., коммент. К.В. Татарникова. М.: Русская панорама, 2019. Т. 1. 1396 с.

Дмитриев А.В. Боевой опыт офицеров гарнизонных батальонов Сибири в начале 1770-х гг.: опыт анализа данных послужных списков // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: сб. мат-лов III Всерос. молодеж. науч. конф. (Новосибирск, 21–24 августа 2013 г.). Новосибирск: Параллель, 2013. С. 100–107.

Дмитриев А.В. Уровень дисциплины и нарушения закона в русской армии середины XVIII в.: социально-политическая адаптация военнослужащих в условиях Сибири // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: сб. мат-лов IV Регион. молодеж. науч. конф. Новосибирск: Параллель, 2010. С. 54–62.

Мирошкин Е.В. Социокультурный портрет офицеров полевых полков Сибирской инспекции в годы правления Павла I (1796–1801 гг.) // Россия и Сибирь в изменяющемся мире: история и современность: мат-лы Всерос. науч.-теор. конф., посвящ. 110-й годовщине со дня рождения д-ра ист. наук, проф. В.И. Дулова и 95-летию его ученика, д-ра ист. наук, проф. В.Г. Тюкавкина (Иркутск, 16–22 ноября 2023 г.). Иркутск: Изд-во ИГУ, 2024. С. 81–86.

Письмак Д.А. Комплекс судебно-следственных дел о преступлениях военнослужащих Сибирского корпуса (по материалам Российского государственного военно-исторического архива) // Наука. Технологии. Инновации: сб. науч. тр. в 11 ч. XVI Всерос. науч. конф. молодых ученых. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2022. Ч. 8. С. 37–40.

Сенявская Е.С. Фронтальная повседневность в войнах России XX в. как объект изучения: историографический итог трех десятилетий (1991–2021) // Исторические записки. 2021. № 20 (138). С. 243–257.

Сенявская Е.С., Сенявский А.С., Жукова Л.А. Человек и фронтальная повседневность в войнах России XX в.: очерки по военной антропологии. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 422 с.

Татарников К.В. Предисловие // Послужные и смотровые списки русской армии 1730–1796 гг. в собрании РГВИА. Межфондовый указатель / сост., вступ. статья, оформл. К.В. Татарникова. М.: Старая Басманная, 2013. Т. 1. С. 3–42.

References

Bezotosnyy, V.M. (Ed.). (2011). *Vospominaniya sovremennikov epokhi 1812 goda na stranitsakh zhurnala "Russkaya starina"* [Memoirs of Contemporaries of the 1812 Era on the Pages of the Magazine "Russian Antiquity"]. Moscow, Izdatel'stvo GPIB Rossii. 461 p.

Dmitriev, A.V. (2010). *Uroven' distsipliny i narusheniya zakona v russkoy armii serediny XVIII v.: sotsial'no-politicheskaya adaptatsiya voennosluzhashchikh v usloviyakh Sibiri* [The Level of Discipline and Violations of the Law in the Russian Army in the Middle of the 18th Century: Socio-Political Adaptation of Military Personnel in Siberia]. In *Istoricheskie issledovaniya v Sibiri: problemy i perspektivy*. Novosibirsk, Parallel', pp. 54–62.

Dmitriev, A.V. (2013). *Boevoy opyt ofitserov garnizoonnykh batal'onov Sibiri v nachale 1770-kh gg.: opyt analiza dannykh posluzhnykh spiskov* [Combat Experience of Officers in Garrison Battalions of Siberia in the early 1770s: Experience in Analyzing Service Records]. In *Aktual'nye problemy istoricheskikh issledovaniy: vzglyad molodykh uchenykh*. Novosibirsk, Parallel', pp. 100–107.

Miroshkin, E.V. (2024). Sotsiokul'turnyy portret ofitserov polevykh polkov Sibirskoy inspekcii v gody pravleniya Pavla I (1796–1801 gg.) [Socio-Cultural Portrait of Officers in Field Regiments of the Siberian Inspection during the Reign of Paul I (1796–1801)]. In *Rossiya i Sibir' v izmenyayushchemsya mire: istoriya i sovremennost'*. Irkutsk, Izdatel'stvo IGU, pp. 81–86.

Pismak, D.A. (2022). Kompleks sudebno-sledstvennykh del o prestupleniyakh voennosluzhashchikh Sibirskogo korpusa (po materialam Rossiyskogo gosudarstvennogo voenno-istoricheskogo arkhiva) [The Complex of Judicial and Investigative Cases on Crimes of Servicemen of the Siberian Corps (Based on the Materials of the Russian State Military Historical Archive)]. In *Nauka. Tekhnologii. Innovatsii*. Novosibirsk, Izdatel'stvo NGTU. Part. 8, pp. 37–40.

Senyavskaya, E.S. (2021). Frontovaya povsednevnost' v voynakh Rossii XX v. kak ob'ekt izucheniya: istoriograficheskiy itog trekh desyatiletii (1991–2021) [Frontline Everyday Life in the Wars of Russia during the 20th Century as an Object of Study: A Historiographical Summary of Three Decades (1991–2021)]. In *Istoricheskie zapiski*. No. 20 (138), pp. 243–257.

Senyavskaya, E.S., Senyavskiy, A.S., Zhukova, L.A. (2017). *Chelovek i frontovaya povsednevnost' v voynakh Rossii XX v.: ocherki po voennoy antropologii* [Man and Frontline Daily Life in the Wars of Russia of the 20th Century: Essays on Military Anthropology]. Moscow, Tsentr gumanitarnykh initsiativ. 422 p.

Tartakovskiy, A.G. (Ed.). (1995). *1812 god v vospominaniyakh sovremennikov* [The Year 1812 in the Memoirs of Contemporaries]. Moscow, Nauka. 202 p.

Tatarnikov, K.V. (2013). Predislovie [Foreword]. In *Posluzhnyye i smotrovyye spiski russkoy armii 1730–1796 gg. v sobranii RGVIA. Mezhdovyy ukazatel'*. Moscow, Staraya Basmanaya. Vol. 1, pp. 3–42.

Tatarnikov, K.V. (Comp.). (2019). *General'y i shtab-ofitsery russkoy regul'yarnoy armii 1729–1796 gg. Svedeniya o sluzhbe iz spiskov po starshinstvu* [Generals and Staff Officers of the Russian Regular Army 1729–1796. Information about the Service from the Lists by Seniority]. Moscow, Russkaya panorama. Vol. 1. 1396 p.